

Цѣна отд. № 15 коп.

№ 7

13 ФЕВРАЛЯ 1914 г.

НОВЫЙ САТИРИКОН

Fes-Mi.

МАСЛЕНИЦА.

**АНКЕТА О МАСЛЕНИЦѢ.
(ДРУЖЕСКАЯ САМОПАРОДІЯ).**

Редакція „Нового Сатирикона“ не обращалась ко мнѣ съ предложеніемъ сдѣлать масленичную анкету среди своихъ поэтовъ. Если-бы она была догадливѣе ико мнѣ съ такимъ предложеніемъ обратилась (впрочемъ, что-же собственно можно требовать отъ этихъ людей...), то отвѣты на анкету сатириконовскихъ поэтовъ были-бы мной представлены въ такомъ, приблизительно, видѣ. Темой анкеты я выбралъ совершенно не использованную въ Россіи — о блинахъ. Надѣюсь, что опрошенные вполнѣ оцѣнятъ мою изобрѣтательность.

ЕВГ. ВѢНСКІЙ.

Въ ухо.

У попа, у Еремѣя...
И у странника Фомы,
Лестомаца не жалѣя,
Вотъ блиновъ пожрали мы!..
Что тутъ только, братцы, было —
И Гоморра и потопъ:
Еремѣя били въ рыло,
А Фому полѣномъ въ лобъ!
Тутъ пошла писать крамола,
Заверѣлось колесо!
Ахъ, какъ нынче плохи школы,
Господинъ министръ Кассо!..

П. ПОТЕМКИНЪ.

Завтра.

Не маши на файф-о'клокѣ
Мнѣ блиномъ:
Ты сегодня — чужая, а я — одинокій —
Я съ тобой не знакомъ.
Я сегодня въ дружбѣ съ пьянствомъ,
Ты — при мужѣ
И сиди со своимъ постоянствомъ:
Тебѣ же хуже.

ДМ. ЦЕНЗОРЪ.

Паюсная дѣвшка.

Мечта стихающая смята,
Душа тоскуетъ объ одномъ:
Забыть-ли мнѣ — въ лучахъ заката
Больную дѣвшку съ блиномъ.
Она и ъла и не ъла,
Была икра и не была...
Но только сердце такъ болѣло,
И такъ душа была свѣтла!
Она ушла. А я усталый
Брожу по Невскому одинъ,
Да у Невы пытаю вяло:
— Рѣка! Гдѣ дѣвшка? Гдѣ блинъ?..

СЕРГѢЙ ГОРНЫЙ.

Стуки вилочности.

Я сметанно-измученъ, селедочно-взвинченъ.
Всюду цѣпкое слово: — ъда и ъда...
Тетя съ дядей убрали Леонардо да-Винчи.
И показали на столъ: Садись сюда.
Ахъ, зачѣмъ я не рыба... (Это вамъ не вопросъ-ли)?
Почему не Петрапка, чтобы въ гробѣ лежать?
Что это — блины? Нѣтъ, послѣ, послѣ...
Я хочу объ Астѣ Нильсенѣ мечтать...
Ахъ ударить-бѣ крѣпко палкой въ стеклянность
Этихъ оконъ... Разбить абажурность-бы лампъ...
Для чего это масленица — такая странность...
Впрочемъ, я вѣдь — плакатъ. Я — эстампъ.

ВАЛ. ГОРЯНСКІЙ.

Сказочка о лавочничкѣ.

Сегодня сметанка и та — тридцать одна копѣйка,
Впрочемъ, если свой горшечекъ — отдалутъ и за четвертакъ;
Конечно, есть и тутъ одна хорошая лазейка:
Пойти къ кому-нибудь поѣсть, не за деньги, а такъ...
Въ свѣтломъ небѣ маленько облачко умираетъ,—
Травка радостно такъ и ластится къ лучу,
А мой лавочникъ, глупенький, совсѣмъ не знаетъ,
Что я ему никогда-никогда не заплачу... .

ГРАЖДАНСТВУЮЩІЕ САТИРИКОНЦЫ.

Сначала реформы, а потомъ успокоеніе.

Молчитъ печать. Фемида-одноглаза.
Реформы намъ убийственно нужны,
А тутъ опять отъ Лодзи до Кавказа
Интеллигенты лопаютъ блины!
Къ чему блины, когда нужна реформа?
Зачѣмъ икра, когда нужна печать?
Неужли-жъ блинъ — пустая только форма,
Чтобъ за него прикрыть молчать?!
Нѣтъ не хочу. Пусть нынче будетъ ходокъ
Такой товаръ, какъ семга и вино —
Долой ярмо горячихъ сковородокъ!..
Что? Мнѣ — блины? Ну дайте, все равно...

ПРИМ. АНКЕТИСТА. Къ нѣкоторымъ сатириконовскимъ, поэтамъ, какъ, между прочимъ, и къ себѣ, — я не обращался, рискуя встрѣтить просто грубый отказъ и боязнь гласности.

Арк. Буховъ.

НА ЛОН О.

(Масленичное).

Я поѣду въ глушь родную, въ глушь, въ Саратовъ, въ тишину, — душу жалкую-больную легкомысленно встряхну. Нынѣ масленицы бойкой тамъ царитъ веселый пиръ, — тамъ икрой, блинами, тройкой упоенъ крещеный міръ. То-то счастье для поэта!

Снѣгъ, раздолье, тишина... Тамъ чудеснѣйшая кѣта! тамъ чудесная икра!..

Нѣтъ изломовъ, нѣтъ исканій; тиши да гладь, да благодать...

Хорошо съ поповной Таней въ поле тройкой засверкать; съ бурсакомъ Всѣхсвятскимъ Колькой посидѣлки посмотрѣть; упоительною полькой становиху завергѣть; въ гулѣ шумной вечеринки пріударить казачка — такъ, чтобы лопнули ботинки, какъ намедни у дьячка... Въ акварели дымки синей ъхать лѣсомъ на дровняхъ, созерцать пушкистый иней на развѣсистыхъ вѣтвяхъ; томно плыть душою въ дали, таять въ грязахъ, не скорбѣть, позабывши о скандалѣ въ рестораціи „Медвѣдь“...

Вы пивали водку съ льдомъ? Забывали хоть на мигъ Сологуба съ Мейерхольдомъ и газеть свирѣпый крикъ, стонъ рекламы, гулъ прогресса, громъ культуры (чортъ возьми)!?

Прочь, вы, люди, драмы, пресса! Эй вы, люди, — шаржъ Реми!..

Ѣду! что тамъ, въ самомъ дѣлѣ? Завтра-жъ ъду, — благодать!..

Мнѣ ужъ такъ вы надоѣли, что и въ сказкѣ не сказать...

— Эй, Василій, это что-же?.. Этотъ лѣсь — рисунокъ Миссъ.

— Этта?.. Видится, — похоже: клочья, — парни подрались...

— Стой, смотри, — какая прелесть!.. Вечеръ — греза, поцѣлуй!..

— Да вчерась Ванюхѣ челюсть своротили: не балуй.

— Этотъ иней! Сосны! Боже!.. Какъ я счастливъ, какъ я радъ... .

— Дюжъ морозъ, а только все-же тутъ поглядывай: шалять...

— Что?.. Далеко?

— Слышишь, — кочетъ?..

— Да, я слышу: вотъ онъ, вотъ!

— Видно, жратъ сердешный хочетъ, — съ голодухи поетъ.

— Боже, лучше всѣхъ идиллій этотъ райскій уголокъ. Чай вонъ тутъ, скажи, Василій, робко-нѣжный огонекъ?

— Эвонъ?.. Бабинъ, Кармачихинъ; баба, значитъся, живетъ; домъ-отъ, баю, бобылихинъ: водку баба про-даетъ.

— А вонъ тотъ?..

— А тотъ Ивановъ,—а Иванъ-отъ ейный сватъ... Только енъ изъ хулигановъ, будто баютъ, конокрадъ. Недалечко... Слышишь пѣсни?.. Ухъ, и драка-жъ, милый другъ... Ужъ теперя ты хоть тресни, а придется сдѣлать кругъ...

— Почему?..

— Да такъ... гуляютъ, праздникъ нонѣ,—пьетъ народъ,—ну, извѣстно, осерчаютъ: што, моль, ъдешь? попадетъ...

— Ну, а какъ здѣсь вечеринки?..

— Есть... Надысь спился старикъ, да вчера на скотномъ рынке упился Ванюха Клыкъ...

— Скотный рынокъ? Это что-же? Скэтингъ-ринкъ, конечно,—да?

— Не, на баль скорѣй похоже; знамо, мы не господа... Ну, а какъ топерь въ столицѣ: Дума скажемъ работатъ?.. Слышь, не такъ чтобы трудиться,—байлъ какъ-то епутатъ.

...Тиши... природа... тьма идиллій?!. Дума?!. Скэтингъ...

— Слушай, братъ! я въ столицу... слышь, Василь?!. Поворачивай назадъ...

Евг. Вѣнскій.

КАКЪ Я ПРАЗДНОВАЛЬ МАСЛЕНИЦУ.

(Монологъ).

...И когда всѣ усѣлись за столъ, хозяйка разложила на колѣняхъ салфетку и сказала:

— Приглашала я также Кузьму Петровича, но онъ отказался. Клянется, что не можетъ, потому что работы много. А я увѣрена, что вовсе на потому. А просто боится своей гражданской жены, которую мы не пригласили. Хм! Работа. Терпѣть не могу неискреннихъ людей.

— Вы, дѣйствительно, не любите неискреннихъ людей?—спросилъ я, ощущая приливъ странного вдохновенія.

— Да, конечно... Эти... неискренніе. Что хорошаго!

— Такъ, такъ. Значить, искреннихъ людей вы любите?

— Д-да... А что?

— И если искренній человѣкъ скажетъ вамъ то, что онъ думаетъ, вы будете рады и будете любить этого искренняго человѣка?

Въ моемъ тонѣ было что-то такое, отъ чего она немного съежилась, пролепетавъ очень неувѣренно:

— Да, конечно... Я уважаю, которые...

— Знаете, это очень хорошо, что вы уважаете. Искренность, такъ искренность!

Я помолчалъ, собираясь съ мыслями.

— Такъ вотъ, что я вамъ скажу, многоуважаемая Марья Дмитріевна: я тоже съ большой неохотой пошелъ на эти самые ваши блины. Вотъ уже третій годъ я хожу къ вамъ на блины, и все — буквально все — мнѣ у васъ не нравится! Вы спросите: почему же я тогда хожу? Вотъ подите-жъ. Чортъ его знаетъ, почему хожу. Навѣрное потому, что

я человѣкъ деликатный, а вы вѣдь можете пристать какъ съ ножемъ къ горлу! А не пойдика — сейчасъ обида. И песь его знаетъ, зачѣмъ это все вамъ нужно? Не нравится мнѣ у васъ, Марья Дмитріевна... Прежде всего, блины. Вѣдь блины у васъ опредѣленно скверные, а мы уже три года ъдимъ, да подхваливаемъ. Они какіе-то жесткіе, пересушенные; нѣтъ въ нихъ такой пышности, рыхлости, кото-

рая должна быть въ порядочномъ блинѣ. Затѣмъ— масло! Масло вы покупаете определено прогорклое дешевое, думая, что гость все спопаетъ. Выдумаете, если маслице-то растопили, такъ все это ужъ и незамѣтно? Нѣтъ, матушка! Ровно годъ тому назадъ у меня отъ вашего масла была такая изжога, что я

до сихъ поръ вспоминаю ваше маслице. А? каково! Такое масло, что цѣлый годъ помню! Засимъ, возьмемъ икру... Я разсуждаю такъ: если у васъ нѣтъ средствъ — не давайте никакой икры. А вы, чтобы соблюсти какой-то жалкій декорумъ (блины, моль, безъ икры, не блины! Да?), ставите обычный типъ ваксы „Молнія“. Вы поглядите на эту икру. Если я всажу туда ложку, то вѣдь ее вытащить обратно обыкновеннымъ способомъ нельзя. Ей Богу! Нужно поставить коробку на полъ, упереться въ нее ногами и тащить ложку обѣими руками. Я, конечно, понимаю, что хорошая икра дорога, но зачѣмъ-же тогда это жалкое торжество? Я понимаю, если-бы еще между вашими гостями существовала какая-нибудь духовная, идеяная связь, общность литературныхъ или художественныхъ интересовъ — тогда другое дѣло! Тогда можно-бы, скрѣпя сердце, вынести и гнусные блины, и скверное масло. А то вѣдь нѣтъ! Вѣдь между вашими гостями нѣтъ ничего общаго. Ишь-ты, посмотрите, какими они волками на меняглядятъ. А за что? Вотъ если-бы вы, господа, какъ наша милая хозяйка, любили искренность, — вы-бы поняли меня... оцѣнили-бы. Я не думаю, чтобы въ задачу хозяйки входилъ также филантропический принципъ: „кормленіе голодающихъ“. Нѣтъ! Всѣ вы тутъ люди болѣе или менѣе достаточные, и ваксообразной икрой, и блинами, похожими на замасленный переплетъ дѣтскаго учебника — васъ не удивишь. Что-же остается? Да просто встать и разойтись. Ей Богу, тоска страшная! Предположимъ, я, дѣйствительно, хочу покушать блиновъ... Что же я сдѣлаю? Я возьму какой-нибудь томъ Диккенса — хороший, господа, писатель! Чтеніе его книги въ сто разъ интереснѣе вашей вялой никому не нужной бесѣды — возьму, значитъ, томъ Диккенса и пойду себѣ въ одиночество въ ресторанчикъ, гдѣ хорошо кормятъ. Тамъ и икру хорошую получу, и рыхлые блины и, если перемигнусь съ метрдотелемъ, то и сносное масло. И я буду сидѣть одинъ, кушать себѣ — хе-хе! — блиночки съ икоркой, съ семушкой (семги, кстати, у васъ нѣтъ!) и буду читать своего Диккенса между двумя блинами. Хорошо, тепло, уютно! И никто ко мнѣ не будетъ приставать — скушать того-то и того-то, чего мнѣ не хочется, а захотѣлъ я, скажемъ, хорошаго пѣнистаго квасу — я взялъ да потребовалъ! А у васъ — развѣ удобно потребовать? Скажутъ, не воспитанный, держать себя не умѣетъ! А какое тамъ не умѣетъ! Нѣтъ — съумѣю. Марья Дмитріевна! я все сказалъ. Вы любите искреннихъ людей и я ихъ тоже люблю. Такъ скажите же мнѣ: оставаться мнѣ послѣ сканнаго или уйти? Конечно, вы сами понимаете, что уйти-то мнѣ пріятнѣе.

— Уйдите! — сказала хозяйка, поднимая печально опущенную голову.

— Ну, вотъ и спасибо.

Черезъ полчаса я сидѣлъ въ углу маленькаго ресторана, ъль пышные блины, закусывалъ икрой, запивалъ пѣнистымъ, бьющимъ въ носъ квасомъ и читалъ „Давида Копперфильда“ Диккенса. Хорошо!

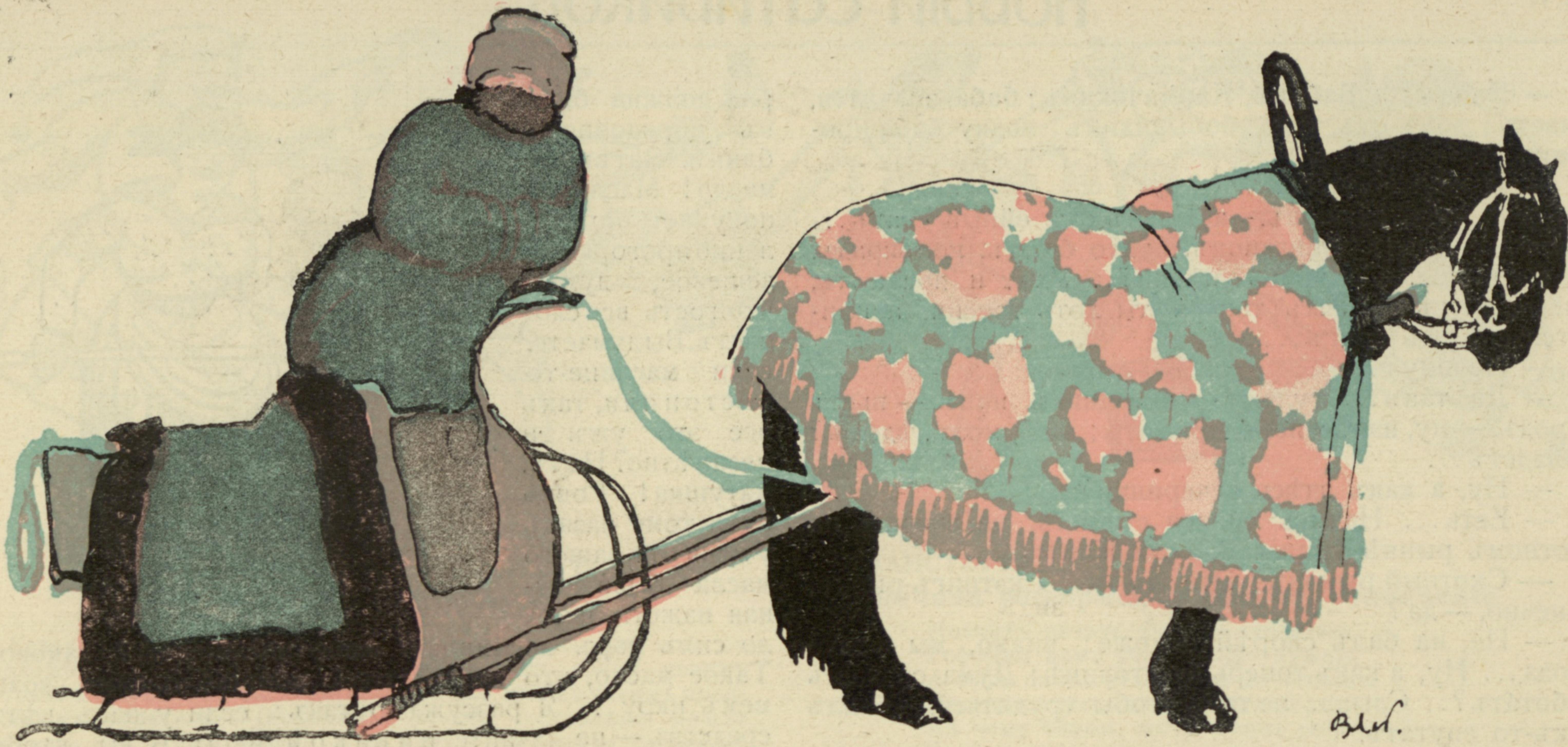
Потому, масленица — дѣло, сами понимаете, серьезное.

Веселиться нужно искренно, непосредственно.

Вотъ я и веселюсь.

Аркадій Аверченко.

РАВНОВЪСІЕ.

— Вотъ, говорятъ, что мы, лихачи, народу много давимъ... Это какъ тоже понимать! Вчера, дѣйствительно, одного я до смерти раздавилъ, а зато сейчасъ же на другую наѣхалъ — она съ испугу живого родила... — Вотъ оно одно-на-одно и вышло!

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Дѣвственность главнаго управления телефоновъ.

Главное управление телефоновъ, издавшее циркуляръ о приемѣ на службу телефонистокъ лишь съ медицинскимъ свидѣтельствомъ о дѣвственности, объясняетъ, что въ циркулярѣ произошла опечатка, давшая поводъ толковать его не вѣрно.

Хорошее слово — опечатка.

Вотъ, напримѣръ, пишущій эти строки, возьметъ да ни съ того, ни съ сего, и напишетъ слово:

— Кретины.

А потомъ будетъ увѣрять всѣхъ:

— Не принимайте, моль, на свой счетъ. Опечатка!

Юморъ висѣльниковъ.

Въ „Петербургскомъ Курьерѣ“ находимъ удивительную телеграмму:

По слухамъ, вскрытие трупа убитаго въ Фастовѣ еврейскаго мальчика Пашкова произведено съ цѣлью выяснить, между прочимъ, національность убитаго.

Опредѣлять національность по результатамъ вскрытия — все равно, что по длинѣ отбрасываемой человѣкомъ тѣни узнавать — блондинъ онъ или брюнетъ?

Женщина съ Лысой горы.

Эпилогъ суда надъ Вѣрой Чеберякъ, осужденной за кражу:

Осужденную быстро обступаетъ толпа. Разыгрывается безобразная сцена. Ей не даютъ пройти. Слышины насмѣшки.

Чеберякъ сперва отбивается словами, потомъ выходитъ изъ себя и въ передней суда случайно попавшимся подъ руку старымъ ведромъ начинаетъ бить какого-то студента.

На улицѣ кто-то плашетъ въ толпу нашатырнымъ спиртомъ. У кого-то пострадали глаза.

Все зависитъ отъ темперамента.

Нѣкоторые осужденные тихо плачутъ, узнавъ о своемъ позорѣ.

Прругіе, выслушавъ приговоръ, берутъ старое ведро и колотятъ имъ студента.

Бѣдный Іонафанъ.

Въ комиссіи, разматривающей законопроектъ о печати, графъ Беннигсенъ разсказываетъ:

Въ Ярославлѣ довольно долго была запрещена постановка оперетки „Бѣдный Іонафанъ“ только потому, что случайно мѣстный архіерей носилъ имя Іонаѳана.

Если это — мотивъ для запрещенія, то осторожные провинціальные полицеймейстеры вѣдѣ должны были бы запрещать двѣ популярныхъ пьесы — одну Фульдовскую, другую — передѣлку Достоевскаго.

Потому — мало-ли какой градоправитель на свой счетъ принять можетъ.

Безкровная побѣда Дурасовича.

Изъ газетъ:

Содержательницей дома тайныхъ свиданій Балашовой предъявляется искъ къ небезызвѣстному по процессу Бейлиса, пом. пр. пов. Дурасовичу.

Дурасовичъ, явившись въ 5 ч. утра въ домъ свиданія, проѣхалъ тамъ въ отдѣльномъ кабинетѣ около 2-хъ часовъ, уплативъ предварительно за это 10 р. По выходѣ оттуда онъ потребовалъ возвращенія денегъ, причемъ грозилъ закрыть „домъ“. Получивъ отказъ, онъ схватилъ со стола подсвѣчникъ, разбилъ имъ зеркало и удалился.

Этотъ поступокъ веселый адвокатъ Дурасовичъ считаетъ, вѣроятно, простымъ удовлетворенiemъ гражданскаго иска.

Что же касается закрытія „дома“, то не союзническое это дѣло — закрывать такіе дома.

Наоборотъ, открывать должны.

И онъ его лягнулъ.

Не знаемъ, что теперь дѣлаютъ Симъ и Іафетъ; но о третьемъ Ноевомъ сынкѣ извѣстно, что онъ въ газетѣ „Россія“ пишетъ (о прїездѣ Горькаго):

Рекламу-то вѣдѣ все-таки надо умѣючи дѣлать. Глупо было бы повторяться и, обращаясь къ толпѣ, какъ нѣкогда въ московскомъ театрѣ, говорить тономъ заправскаго посадскаго: „Ну, что зѣнки-то вытаращали, вѣдѣ я не утопленникъ и не балерина“. Тогда это было кстати и произвело эффектъ неизысканный, но все хорошо въ свое время. Теперь уже Горькій не просто талантливый боякъ, а нашъ маститый, которому бояцкій стиль поведенія не подходитъ. Помилуйте, когда ужъ съ самимъ Достоевскимъ началъ ростомъ мѣряться? Это ли ужъ не ступень истиннаго величія? При такомъ положеніи вещей необходимо истинное достоинство проявить и... быть скромнымъ, мудро и величаво скромнымъ!

Къ сожалѣнію, людей, пишущихъ такъ, не — убавиши въ „Россіи“, а на умныхъ тоску наведешь.

Удовлетвореніе запросовъ.

Кутаисскій корреспондентъ „Терека“ пишетъ въ такомъ угрюомъ тонѣ о своемъ городѣ:

Культурная жизнь у насъ замерла. Драматическое общество дремлетъ, грузинскихъ спектаклей нѣть. Въ настоящее время единственное развлеченіе кутаисцевъ — это мордобитіе въ клубѣ и циркъ.

Интересно, считаютъ-ли кутаисцы эти развлечения равнозначущими или находятъ въ первомъ больше личнаго интереса?

Чикъ — и готово.

Въ петербургскую драматическую цензуру поступила однодѣйственная пьеса подъ названіемъ „Чикъ и готово“. Комиссія нашла название не допустимымъ и зачеркнула, пьесу же разрѣшила.

Выражаясь языкомъ фарсовыхъ заглавій, можно сказать, что авторъ думалъ о цензурѣ: „Ухъ, и безъ задержки“, а вмѣсто этого — „Сѣль въ капусту“.

Потому — не ходи же ты раздѣтай!

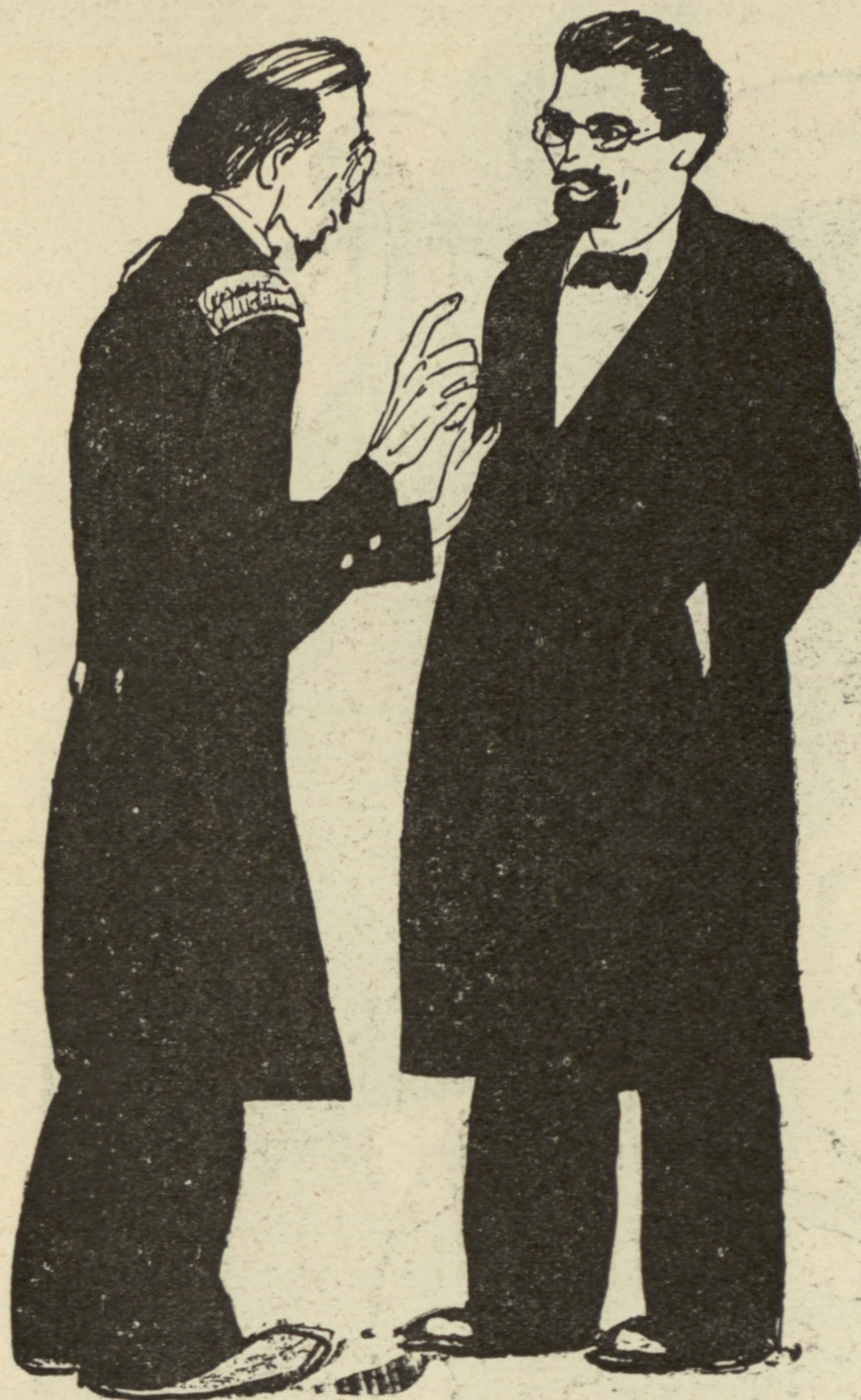

ДАМИНЫ ВЪ ПОРУ ПРИШЕДШИЯСЯ СЛОВА.

Острая на языкъ одна придворная дама такъ замѣтила увивавшемуся за ней въ машкераадѣ графу д'Артишокъ-Ливорнезе:

— Ахъ, достолюбезный графъ!.. Примѣчаю я, что вы напоминаете собою принесенные вами розы...
То расцвѣтшій отъ тѣхъ словъ д'Артишокъ вскричалъ:
— О, достоенъ ли я словъ сихъ?!
— Достойны,— отвѣчала та дама.— Потолику и вы также, какъ сіи розы— очень распуститься изволили!

Рис. В. Лебедева.

ПОНЯЛЪ.

— Скажите, а у вась мальчишки на экзаменѣ не теряются?

— Иногда теряются. Одного, напримѣръ, три дня не могли найти.

„ДОМБИ и СЫНЪ“.

Когда пронзительнѣе свиста
Я слышу англійскій языкъ—
Я вижу Оливера Твиста
Надъ кипами конторскихъ книгъ.
У Чарльза Диккенса спросите,
Что было въ Лондонѣ тогда:
Контора Домби въ старомъ Сити
И Темзы желтая вода...
Дожди и слезы. Бѣлокурый
И нѣжный мальчикъ — Домби - сынъ.
Веселыхъ клэрковъ каламбуры
Не понимаетъ онъ одинъ.
Въ конторѣ сломанныя стулья,
На шиллинги и пэнсы счетъ;
Какъ пчелы, вылетѣвъ изъ улья,
Роятся цифры круглый годъ.
А грязныхъ адвокатовъ жало
Работаетъ въ табачной мглѣ;
И вотъ, какъ старая мочала,
Банкротъ болтается въ петлѣ!
На сторонѣ враговъ законы:
Ему ничѣмъ нельзя помочь—
И клѣтчатые панталоны,
Рыдая, обнимаетъ дочь!

Осипъ Мандельштамъ.

ТОЧНОЕ ОПРЕДѢЛЕНИЕ.

1-й кинематографщикъ: — Скажите, когда мы спишемъ картину: „Вѣздъ въ Албанію принца Вида“ — это будетъ видовая картина?

2-й кинематографщикъ: — Нѣтъ, „сильно комическая“.

О НОВѢЙШИХЪ ИЗОБРѢТЕНІЯХЪ:

— Позвольте предложить вамъ портативный комплектъ..

— Пожалуйста.

— Другие предлагаютъ старые напильники съ ондулированной поверхностью, отрывные блокноты съ вставными штепселями, перевертыватели для газетъ при вѣтрѣ. Мы этимъ ничѣмъ не торгуемъ. У насъ товаръ строго реальный. Скорѣе научный.

Онъ поправилъ пенснѣ и откашлялся. Почему у нѣкоторыхъ агентовъ страховыхъ обществъ, представителей по сбору объявлений и кое-какихъ околосѣльческихъ надзирателей — такія благородно впечатляющія лица? Почему? Почему у меня неважное, сѣрое лицо съ ординарнымъ носомъ, а у агента зажигательницъ „куренія“ — профиль Наполеона, и en-face Гарибальди, и поворотъ головы Гамбетты? А частный приставъ Лукояновскаго стана? Помните? Торсь Мольтке и надбровная линія эпигона Наполеонидовъ. А мы съ вами? Э, да что говорить...

— Покажите-ка свой комплектъ..

— Дѣло касается умноженія. Вамъ нужно умножить 2 на 11, 3 на 15, 4 на 29. Вмѣсто кропотливаго набрасыванія на блокнотѣ и утомленія сѣраго корковаго вещества, вы придвигаете къ себѣ счетную линейку, откидываете регуляторъ, устанавливаете отмѣтчикъ, вѣгаете стрѣлку, поворачиваете центраторъ, ищете на воспомогательной таблицѣ дополненіе, ставите туда ножку циркуляра и находите въ соотвѣтственной графѣ пересеченіе нужныхъ цифръ. Вамъ нужно было умножить 2 на 3...

Гамбетта привелъ въ движение машинку, которая рявкнула, завертѣлась, замигала цифрами и, зарябивъ крыльчатыми лопастями, выбросила въ стеклянномъ окошечкѣ жирную семерку.

— Гмъ. Кажется, ошибка. Это бываетъ... извольте видѣть, у насъ есть и коррелаторъ ошибокъ. Вы нажимаете центраторъ, вертите крыло А до отказа, держа, одновременно кнопку Б прижатой и, давая маленькие удары табулятору, — прячете неправильную цифру въ особую пазуху.

У другихъ системъ такой пазухи нѣтъ. Это наше преимущество. Двѣ штуки за 30 р. При трехъ полный отрѣзъ синяго шевюта и каракулевая шапка въ придачу. При четырехъ 625 полезныхъ предметовъ и брелокъ-паризье съ видомъ купающейся женщины...

Стыдно признаться. Она-то меня и соблазнила.

Я купилъ новѣйший, усовершенствованный счетчикъ для себя и друзей, получивъ отрѣзъ на брюки диагональ и каракулевую шапку касторового сукна (если не понравится — деньги обратно).

Теперь вся жизнь измѣнилась.

— Сѣма! Молочница пришла. На первое число ей за то квартъ по 12. Дай.

Бывало, я просто вынималъ 1 р. 20 к. (такъ, вѣдь, кажется). А теперь я несъ центраторъ въ столовую. Собирались жена, Ваня, бабушка и старая такса.

— Ставлю центраторъ, нажимаю табуляторъ. Тѣкъ-съ. Вставляю штепсель А въ цифру то и верчу рукоять до отказа... Звонокъ!.. Нажимаю Б и выключаю искрообразователь. Итого 19 р. 11 к... Молочница, получите 19 р. 11 к.

— Сѣма! Что ты дѣлаешь? Провѣрь...

— Завоеванія человѣчества не нуждаются въ провѣркѣ.

Я, повидимому, разорялся.

За Боржомъ 2 бутылки по 35 коп. центраторъ одинъ разъ показалъ 3 р. 15, другой 17 р. 80.

Жена всплакнула.

— Отсталая женщина... Пойми, вѣдь онъ слѣдить за биржевой цѣной. Быть можетъ, минеральная вода въ подъемѣ... Что? Счетъ отъ портних? Провѣрь. Нажимаемъ центраторъ. Верчу табуляторъ. Б. Звонокъ. 111 р. 11 к. Дорговато за передѣлку кофточки, но ничего.

Табуляторъ обошелся дорого. Но онъ имѣетъ свои удобства. Иногда, когда Коля въ сосѣдней комнатѣ по предложению Евтушевскаго множить 8 лошадей

на 11 погонщиковъ, я быстро вставляю центраторъ, верчу до отказа табуляторъ и, выключивъ искрообразователь, кричу:

— Постой, Коля. Не множь. Сейчасъ я скажу безъ ошибки.

И въ промежуткѣ между двумя пазухами послѣ нажима выпадаетъ:

— 9113.

Девять тысячъ сто тринадцать погонщико-лошадей.

Нѣтъ, что ни говорите: изобрѣтенія великая вещь.

Отрѣзъ синяго шевюта я уже сносилъ.
Ничего не подѣлаешь.

Сергѣй Горный.

ПОДЪ ФОНАРЕМЪ.

Каждый вечеръ хожу я къ знакомому дому,
Каждый вечеръ въ высокія окна гляжу.
У меня подъ пальто есть бутылочка рому:
Отопью и опять къ фонарю отхожу.
Для чего? Вѣдь, прошло уже мѣсяцевъ десять
Съ той поры, какъ она ему стала женой...
Если просто подумать — не то, чтобы взвѣсить —
Океаны лежать между нею и мной.
Развѣ ихъ переплыть? Развѣ было такое,
Чтобъ жена, разлюбивъ и отъ мужа уйдя,
Вдругъ взметнулась, какъ птица, въ лелѣющемъ
зноѣ

Услыхавшая звукъ грозового дождя...
Чтобы, вдругъ замолчавъ и накинувъ косынку,
Пронеслась надъ ступенями, внизъ подъ фонарь...
— Ты! Мой царь! Наконецъ!.. И туда вонъ —
по рынку —
Мы бѣжали-бы вмѣстѣ, царица и царь...
Вотъ потухъ огонекъ въ ихнемъ спальномукошкѣ.
Значитъ, поздно. Легли. Да и кончился ромъ...
Ну, пойду. Погляжу. Если спятъ мои крошки,
Я вернусь: вѣдь и ночью стоитъ этотъ домъ.

Ал. Вознесенскій.

КАТИЛИНА

— Встаньте! Встаньте, я вамъ говорю!!
Катилина стоитъ у двери; комично торчатъ волосы
на взлохмаченной головѣ. Классъ сидитъ.

— Встаньте, а то я не войду въ классъ!!
Молчаніе...

— Встаньте, а то я позову инспектора!!
Въ голосѣ слышатся плачущія нотки.

— Пригласите попечителя, — лѣниво совѣтуетъ съ
послѣдней парты Мятловъ.

— Позовите министра народнаго просвѣщенія!!
— Дьявола!
— Германскаго императора!!
— Римскаго папу!!

Фигура Катилины стремительно исчезаетъ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ классъ входить
инспекторъ — за нимъ злобно-безпомощно улыбающіяся Катилина.

— Господа, что-же это такое, — говоритъ инспекторъ.
Взрослые люди, а не понимаете, что вставать при
входѣ учителя простой актъ вниманія. Стыдно!!

Онъ уходитъ. Гимназисты стоятъ, хмуро опустивъ
головы.

— Садитесь...

Гимназисты продолжаютъ стоять.

— Садитесь, — ласковѣе говоритъ Катилина.

— Не можемъ, — умирающимъ нѣжнымъ голосомъ
сообщаетъ Женя Кумиловичъ, — не можемъ — актъ
вниманія!

И вдругъ страшный крикъ. Буйное помѣшательство
охватываетъ классъ.

Камчатка неистовыми голосами рекомендуетъ Ка-
тилинѣ:

— Побрейся и причешись!!

Середина меланхолически затягиваетъ „Вальсъ на
сопкахъ Манчжуріи“.

Первые парты устраиваютъ „качку на пароходѣ“
(медленное подниманіе и бурное спусканіе скамей).

Катилина взлетаетъ на кафедру.

— Я запишу!

— Запишетъ... запишетъ — несетъ испуганный
шопотъ по классу.

Черезъ секунду половина гимназистовъ срывается
съ мѣстъ. Бѣгутъ, — несутъ ручки, карандаши, черниль-
ницы, листки бумаги. Униженно кланяются, разста-
вляютъ все это на кафедрѣ и стремительно мчатся къ
своимъ мѣстамъ.

— Хорошо, хорошо... — бормочетъ Катилина. —
Хорошо... Все будетъ извѣстно директору... все...

На минуту воцаряется тишина.

Катилина искусно пользуется этимъ.

— Начнемъ, — говоритъ онъ.

— Quo usque tandem, Catilina, ты будешь морочить
намъ голову, — съ искреннимъ любопытствомъ освѣдо-
мляется Яворскій.

Катилина вынимаетъ книжечку и долго ищетъ
жертву.

— Оманенко!

Оманенко встаетъ и грустно-недоумѣвающе смо-
трѣтъ на учителя. И зачѣмъ только его беспокоить?
Онъ колеблется, не знаетъ — итти отвѣтить или нѣтъ.

— У меня... — нерѣшительно тянется онъ.

— Жена родила! — оглушительно объясняетъ Борисъ
Дамчевскій.

Дикий, душу-раздирающій вой!!

— Тише, черти, — проситъ Оманенко. — Дайте мнѣ
сказать ему.

— У меня...

— На лѣвой ногѣ родинка!

— Я не понимаю, — сердится Катилина, — что у
васъ? Вы не можете отвѣтить?

— Могу, — неожиданно для самого себя рѣшаетъ
Оманенко...

Онъ идетъ къ кафедрѣ. Кто-то услужливо подаетъ
ему учебникъ.

— Ну-съ, читайте...

Катилина приготовляется слушать.

— Я не могу читать, — мрачно заявляетъ Оманенко.

— Это почему?

— У меня...

— Ну?!

— Логариѳмы, — грустно заканчиваетъ гимна-
зистъ. — Они мнѣ логариѳмы подсунули...

— Гу-у!! Эхъ! Ухъ! Ахъ!! — несетъ по классу.

— Перестаньте! Перестаньте! — вопитъ Катилина.—
Вспомните, что тамъ идутъ занятія!!.

Лѣвая рука его указываетъ на дверь.

— Какъ онъ похожъ сейчасъ на покойнаго Цицеро-
роу, — съ восхищеніемъ замѣчаетъ кто-то. — Клас-
сический жестъ!!

— Николай Петровичъ! Кто Васъ научилъ такъ
пальчиками дѣлать, — освѣдомляется Камнеръ.

— Перестаньте... Пожалуйте отвѣтить... Кадникъ.
Изъ всѣхъ учениковъ одинъ Кадникъ ежедневно
готовитъ урокъ и одинъ Кадникъ ежедневно отвѣтаетъ.

Подымается крикъ:

— Кадникъ, иди отвѣтить!

— Пошелъ отвѣтить!

— Къ доскѣ, Кадникъ!!

— Идите къ дьяволу, — огрызается Кадникъ. —
Мнѣ надоѣло. Каждый день отвѣчай...

— А ты жалованье требуй, — совѣтуетъ Камнеръ.

Дальше все сравнительно прилично. Кадникъ отвѣ-
таетъ, публика готовится
къ слѣдующему часу...

Бѣть звонокъ... Ши-
роко распахивается дверь,
и подъ буйные крики
буйныхъ гимназистовъ
Катилина вылетаетъ изъ
класса.

Такъ иногда идутъ
уроки въ среднихъ учеб-
ныхъ заведеніяхъ.

Сергѣй Дебринъ.

ВОДКА*).

Посмертный фельетонъ Фомы Опискина.

Рис. Бориса Григорьева.

ТОЖЕ СУФФРАЖИСТКА.

— Послѣдній крикъ моды — это голая ноги. Чулки упраздняются... Вотъ не думала, что раскрытие женщины придетъ снизу!

Въ первый разъ я пришелъ къ министру съ определенной цѣлью: поплакать у него на груди.

Почему? Мало-ли.

Но попытка моя потерпѣла неудачу. Грудь ministra, густо зашитая золотомъ, оказалась такой жесткой, что я только расцарапалъ до крови щеку.

Раздосадованный, я замѣтилъ, стирая кровь со щеки:

— Для ministra у вѣсъ могла-бы быть грудь помягче.

— Скажете тоже! — усмѣхнулся онъ. — Что я, кормилица, что ли?

Засмѣялся и я.

Съ той поры мы стали друзьями.

* * *

— Послушайте, Владимира Николаевичъ — сказалъ я какъ-то ему, потонувъ въ эластичномъ креслѣ въ углу его кабинета. — А вѣдь народное пьянство — великое зло.

— Америку открыли!

— Положимъ... Но разъ это такъ, то съ пьянствомъ нужно бороться.

— Уже.

— Что-то я этого не вижу.

— А общества трезвости — собака вамъ?

— Тоже нашли борьбу! А потребленіе вина все-таки растетъ.

— Да... Гм! Положимъ. Ну, ужъ съ этимъ-то ничего не подѣлаешь.

— А знаете, — замѣтилъ я, съ присущей мнѣ, полной необъяснимаго очарованія, простотой. — Я вамъ могу предложить замѣчательное средство.

— Ну-съ?

— Взять да и закрыть всѣ казенные лавки.

— Съума вы сошли!

— А почему?

— Какъ же мы можемъ связывать свободную волю народа?! Народъ хочетъ пить, а мы будемъ его за горло хватать: „не пей, моль! Не дамъ“. Слава Богу, теперь-то ужъ прошли тѣ темныя времена, когда русскій мужичекъ былъ безправнымъ быдломъ. Насиліе надъ отдѣльной личностью — скверная, отвратительная вещь... Но насиліе надъ цѣлымъ народомъ — это такъ ужасно, что этому нѣтъ имени!

Глаза его сверкали, и голосъ звенѣлъ, какъ натянутая струна.

— Но, неужели, нѣтъ никакого выхода?!

Онъ наклонился ко мнѣ и шепнулъ:

— Есть! Мѣра замѣчательная. Не я буду, если пьянство не сократится на половину.

— ??

— Мы разошлемъ по всѣмъ казеннымъ лавкамъ распоряженіе, чтобы мужикамъ водки совсѣмъ не продавали. Водку отнынѣ могутъ покупать только женщины! Вы подумайте! Вѣдь женщина самый благонадежный элементъ въ данномъ случаѣ... Заходите черезъ годъ, покажу вамъ бюджетъ — ахнете.

* * *

— Ну, что, — спросилъ я, зайдя къ нему черезъ годъ.

Онъ былъ немного разстроенъ.

— Ничего не понимаю. Совершенно отказываюсь.

— А что?

— За истекшій годъ водки продано на 10 миллионовъ больше.

— Вотъ тебѣ разъ! Чѣмъ-же это вы объясняете?

— Вышло Богъ знаетъ что: начали пить и женщины. Мужчинамъ сначала, дѣйствительно, приходилось круто — до тѣхъ поръ пока одна чужая жена — изъ жалости или какихъ другихъ побужденій — не купила чужому мужу бутылку водки. Тогда законная жена этого мужа, въ пику той, купила для мужа первой двѣ бутылки. И загорѣлось нѣчто вродѣ кровной мести. Получилось повсемѣстно то, что женщины своимъ

*). Фельетонъ этотъ написанъ нашимъ покойнымъ сотрудникомъ въ Сентябрѣ прошлаго года. Талантливый писатель съ замѣчательнымъ чутьемъ предугадалъ будущее затруднительное положеніе нынѣшняго графа В. Н. Коковцева. Фельетонъ найденъ при разборкѣ бумагъ покойнаго.

НОРМАЛЬНАЯ ЖЕНЩИНА.

Рис. А. Юнгера.

На конкурсъ нормальныхъ женщинъ въ Парижѣ первый призъ (10.000 фр.) получила вполнѣ нормальная женщина Ивона Баше.

— Милая, прекрасная, совершенная, Венера, сошедшая на землю. Въ нашъ вѣкъ истеричекъ, ты, нормальная женщина, создаешь крѣпкое, чудное поколѣніе нормальныхъ людей! И на мою долю выпало это счастье — быть твоимъ сотрудникомъ!..

На другой день, за обѣдомъ, нормальная женщина сказала:

— Милый, не ъшь блиновъ... это отягчаетъ желудокъ! Несужели же ты хочешь, чтобы наши дѣти были съ толстыми животами? Сметану брось — она окисляетъ желудочные соки, въ икру подмѣшиваются салицилку — не ъшь. Съѣть лучше, какъ я, три пилюли д-ра Штрейка. Ты имѣешь нормальную жену, не дѣлай же такъ, чтобы твои дѣти были не достойны ихъ матери.

— Милый! — сказала мнѣ нормальная женщина, — я ложусь спать, ибо уже 10 часовъ, а ты тутъ стоишь и мѣшаешь дѣлать это нужное, для нашихъ будущихъ дѣтей, дѣло. Уйди же въ свою спальню.

— Ми-и-ляя...

— Ни слова!! Вы развѣ забыли условіе нормальной женщины... стыдитесь. Ни однимъ миллиметромъ своихъ нервовъ я не должна рисковать, памятую о нашихъ будущихъ нормальныхъ дѣтяхъ.

— Прр-роклятіе!

— Это что такое, госпожа нормальная женщина?!!

— Уйдите, вы меня испугали, а пугаться мнѣ очень вредно. Это просто, помня о будущихъ нормальныхъ дѣтяхъ, я нашла себѣ человѣка, тоже почти нормального. Я убѣдилась, что вашъ черепъ на 1/4 дюйма меньше, чѣмъ это надо, вашъ вѣсъ меньше на 3 фунта, чѣмъ это надо. Уходите же и не мѣшайте намъ!

— Я цѣлый годъ ълъ за обѣдомъ пилюли, пилъ только воду, ложился въ 10, вставалъ въ 6. Театръ, циркъ, скачки, концерты — все пришлось бросить, такъ какъ это слишкомъ возбуждаетъ нервы; въ моемъ домѣ въ каждомъ углу можно было найти „нормального молодого человѣка“. И вотъ, когда я взялъ вполнѣ нормальный ножъ и ударилъ имъ по нормальному боку моей жены, — все это прекратилось,

— Ъмъ все, что ни попало, пью все, что вливается въ ротъ, не ручаюсь за качество моего потомства, но за количество ручаюсь... Я весель, доволенъ, и иногда только съ ужасомъ говорю: — „О, что-бы было съ художниками, поэтами, артистами, если бы было много нормальныхъ женщинъ!“ Ужасъ!

По независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ
рисунокъ помѣщенъ быть не можетъ

мужьямъ-то водки не покупали, но покупали чужимъ въ отместку за то, что чужія бабы спаивали ихъ мужей. Понимаете, какая сложная запутанная исторія. А главное, что и женщины стали пить не хуже мужчинъ. Вотъ тебѣ и привилегированные!

— Что-же вы теперь думаете дѣлать?

Лицо его озарилось улыбкой.

— Придумалъ другое средство. Могу сказать — простое, какъ палецъ, но замѣчательное. Продавать будутъ водку только бутылочками въ двѣ рюмки за пятакъ! Вся иная посуда — бутылки, полбутылки, четверти — уничтожается! Соображеніе здѣсь то, что раньше — у него была порція бутылка, полбутылки. Это его развращало, тянуло къ большимъ порціямъ. А тутъ — двѣ рюмки — и готово! Жажда утолена, а стбить всего грошъ. Заходите въ будущемъ году — покажу, какіе блестящіе результаты.

* *

Зашелъ.

— Ну, какъ?

— Вы знаете — рѣшительно отказываюсь понимать. Это прямо кошмаръ какой-то!

— А что?

— За истекшій годъ потребленіе водки повысилось на 15 миллионовъ.

— Неслыханно! Въ чемъ же дѣло?

— А дѣло оказалось въ томъ, что раньше выпивалъ полбутылки или бутылку — тотъ и при новомъ порядкѣ дѣлалъ это пятаковыми порціями. Но зато при такомъ порядке стали пить и всѣ тѣ люди, у которыхъ былъ въ карманѣ всего пятакъ. Раньше онъ съ пятакомъ ничего не могъ сдѣлать въ казенной лавкѣ... А теперь — пожалуйте! Самымъ частымъ розничнымъ покупателемъ сдѣлся. Дѣйствительно, этого мы не предусмотрѣли.

— Боже, какой ужасъ! Гдѣ-же выходъ?!

— Выходъ-то есть. Выходъ хороший. Вы знаете, я рѣшилъ такъ: если дробленіе на мелкую посуду вызвало увеличеніе пьянства, то переходъ на крупную посуду, — напримѣръ, только четверти — вызоветъ уменьшеніе пьянства. Простая логика и математика. Заходите въ будущемъ году. Надѣюсь порадовать.

* *

— Ну, что?

— Да что! На 20 миллионовъ.

— Меньше?

— Больше!!!

— О, Господи. Да почему же?

— Палка-то оказалась о двухъ концахъ. Раньше человѣку если нужно было выпить полбутылки — онъ и покупалъ полбутылки. А теперь ему приходилось покупать четвертями. А вы сами понимаете — разъ

водка уже куплена, развѣ русскій человѣкъ утерпитъ, чтобы не вынудить ее до конца. И вынуживалъ. Прямо у меня голова кругомъ идетъ!..

— Что же вы думаете теперь предпринять?

— А вѣдь, представьте, нашелъ выходъ. Будущій годъ — будетъ годомъ полной побѣды надъ пьянствомъ! Понимаете: мы посуду оставимъ прежнюю, но — хе-хе! — сдѣлаемъ маленькое нововведеніе. Вы замѣтили, какъ легко русскій человѣкъ откупориваетъ бутылку. Разъ! — ладонью по дну, и пробка вылетаетъ, какъ пуля изъ ружья. Нѣтъ, теперь-съ будетъ, милостивые государи, по другому. Мы горышко не пробкой будемъ затыкать, а заливать жидкимъ стекломъ. Подумайте! Тутъ ни ладонь, ни штопоръ, — не помогутъ. Повертишь, повергнешь русскій человѣкъ бутылку — плюнетъ, да и бросить. Ловко удумано?

— Н... не знаю. Посмотримъ.

— Конечно! Заходите. Вотъ ужъ въ будущемъ году не скажете: „пьяный бюджетъ, пьяный бюджетъ!“

* *

— Ну, какъ?

— Слушайте! Это сумасшествіе какое-то. Помните мою прошлогоднюю мысль — заливаніе стекломъ?

— Ну, да! Что же?

— Такъ могу васъ поздравить: доходъ отъ винной монополіи не уменьшился, а увеличился на 25 миллионовъ.

— Дѣйствительно, колдовство какое-то.

— Нѣтъ! Представьте себѣ, дѣло объясняется очень просто: водку пили, правда, попрежнему, но около 20 миллионовъ доходу дала намъ посуда. Скажемъ, пустая бутылка по себѣ — стоимости обходится копѣйка съ четвертью, а въ казенной лавкѣ эта же посуда стоитъ четыре копѣйки... Но посуда къ намъ не возвращалась: они отбивали горышко!

Во взорѣ его свѣтилось отчаяніе!

* *

— Вотъ что... — Сказалъ я, сочувственно глядя на него. — Позвольте мнѣ быть съ вами откровеннымъ... До сихъ поръ всякий вашъ опытъ только увеличивалъ доходъ казны и увеличивалъ расходъ мужика. Предположимъ теперь, что вы сельскій хозяинъ и хотите вести хозяйство рационально. Вы знаете, что такоѳ трехпольная система? Сдѣлаемъ съ вами такъ: пусть изъ трехъ губерній пьютъ въ двухъ, а въ третьей уничтожимъ всѣ казенные лавки. Эта губернія будетъ находиться подъ чёрнымъ паромъ. Когда оправятся — опять можно открыть эти лавки. Здѣсь откроемъ — тамъ закроемъ. Какъ вы находите?

— Это недурно, — подумавъ, согласился онъ. — Только одно тутъ не хорошо: вотъ эта вотъ ваша губернія подъ чёрнымъ паромъ. У насъ хозяйство не такое богатое, чтобы оставить подъ паромъ. Вѣдь вы знаете, что въ хозяйствахъ средняго достатка на отдыхающей трети, вмѣсто чернаго пара, пасется скотина.

— Да зачѣмъ же, чтобы паслась скотина, — робко возразилъ я. — Лучше не надо этого.

— Нѣтъ, ужъ тутъ ничего не подѣлаешь. А то некуда выгонять скотину.

— А вы хотите ее выгонять?

— Скотину то? Ну, конечно.

— Тогда это великодѣлно! Значитъ, дѣйствуйте. Я не националистъ и субсидіи мнѣ за проектъ не надо. Одного только усиленно прошу: выгоняйте скотину!

— Да ужъ это — будьте покойны.

И мы разошлись. Боюсь — не совсѣмъ понявъ другъ друга.

Фома Опискинъ.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА КАЛЕНДАРЬ-АЛЬМАНАХЪ

журнала „НОВ. САТИРИКОНЪ“ на 1914 г.

Масса рисунковъ. Обложка въ нѣсколько красокъ.

Часть I. Офиціальная. Часть II. Неофиціальная. Разсказы и статьи Арк. Аверченко, Тэффи, Арк. Бухова, Вл. Воинова, Ив. Пруткова, Иc. Гуревича, Евграфа Дольского и др.

Цѣна 1 руб. съ пересылкой.

Выписывающіе изъ конторы „Н. Сатир.“ (Невскій, 98) — за пересылку не платятъ. Деньги можно высыпать почтов. марками.

ЛЮБОВЬ И SYNDETIKON.

Я признавалъ любовь всегда „en style moderne“, Но лѣтомъ я влюбился не на шутку. Господь имѣлъ въ виду создать десятокъ сернъ, Но, по ошибкѣ, создалъ институтку. Описывать ее подробно не беруся — Достаточно сказать: Блондинка. Муся. Я въ ней увидѣлъ свой давнишній идеалъ И сталъ ухаживать. Барометръ кверху: „Ясно“... „Нео-платоникомъ“ прикинулся — упалъ! Поправился: „цѣль — бракъ!..“ Но было все напрасно! Я долженъ былъ, какъ всѣ, искать сначала „тѣло“, Потомъ ужъ „духъ“. Разстроилося дѣло!.. Я былъ въ отчаяніи, но вдругъ прочелъ въ газетѣ, Что есть Syndetikon, который все клейтъ. Влюбленные всегда довѣрчивы, какъ дѣти, А эта мысль была ясна, какъ монолитъ: „Соединяетъ все и разрѣшаетъ закономъ“. Я вымазалъ жилетъ Syndetikonомъ. Заразѣ уже побѣду торжествуя, Пришелъ къ „ней“ вечеромъ. „Она“, какъ львица

въ клѣткѣ!

Насилу умолилъ: подъ видомъ поцѣлуя, Стремительно прижалъ ее къ жилеткѣ.

Въ любви — достаточно и трещинъ и извилинъ, Но противъ нихъ Syndetikon безсиленъ!..

Владимиръ Васilenko.

КОГДА ВСЕ УМИРАЕТЪ.

(Испорченное настроеніе).

— Какъ хорошо умирать красивымъ, — сказалъ себѣ поэтъ Мелкоѣдовъ, выходя изъ парикмахерской. Онъ провелъ рукой по выбритой щекѣ.

— Лицо гладкое... какъ у молодой дѣвушки.

— Я умру вечеромъ... осеннимъ вечеромъ, когда слезы мертвы, какъ перламутръ, и вѣтеръ срываетъ послѣдніе лепестки астръ и лилій... .

— Маленькое тусклое дуло прильнетъ къ моему сердцу, кто-то далекій нажметъ собачку, и я умру. Умру съ той, едва уловимой, скорбно-насмѣшливой улыбкой, которая такъ отличала покойного при жизни.

— Но раньше, чѣмъ прийти въ свою одинокую комнату, — убогую комнатку поэта, я зайду къ Идѣ Марѣ, къ Идѣ Марѣ.

Я зайду къ ней потому, что я ее почти не знаю, потому, что видѣлъ ее только разъ — такую тихую, осеннюю, надломленную, съ громадными, спрашивющими глазами.

Я спрячу голову въ едѣтскихъ колѣняхъ, она увидитъ надо мною смерть. Маленькая блѣдная руки будутъ безсильно теребить мои плечи, спутаютъ мои волосы.

Ахъ, какъ ей захочется укрыть меня!.. какъ будто мое сердце еще не умерло, какъ будто ея мольбы и слезы не осенне листья, что дымнымъ траурнымъ золотомъ падаютъ, падаютъ на мою могилу.

Ты надъ мертвымъ плачешь, маленькая скорбная Марѣ.

* * *

— Здравствуйте, Марѣ, — просто сказалъ Мелкоѣдовъ.

— Здравствуйте.

Мелкоѣдовъ заглянулъ вглубь большихъ опрошающихъ глазъ и, всколыхнувъ залегшее въ нихъ облачко ужаса, сказалъ тихо и безконечно обыкновенно:

— Сегодня я умру, Марѣ, умру Марѣ.

Растерянная слабая улыбка легла на ея губахъ.

Мелкоѣдовъ взялъ ея руки, мягко привлекъ на низкій диванъ, безшумно соскользнувъ на полъ у ея ногъ.

— Такъ лучше, Марѣ. Дайте мнѣ спрятать голову въ вашихъ бѣдныхъ, худенькихъ колѣняхъ.

Марѣ покраснѣла, покачала головой.

— Вы ошиблись, Мелкоѣдовъ, вы еще мало меня знаете — я только въ платьѣ худая. Никогда не судите о женщинахъ въ платьѣ.

Страдая, ласково перебилъ ее Мелкоѣдовъ:

— Не надо спорить, Марѣ... Сегодня, когда я приду отъ васъ, я застрѣлюсь... Маленькое, сиротливое дуло прильнетъ, присосется къ виску, кто-то невѣдомый и такой странный нажметъ собачку... раздастся выстрѣлъ — сухой и негромкій...

Марѣ слабо вскрикнула, но поймалъ ея руки Мелкоѣдовъ.

— Тише, Марѣ, тише... пусть будетъ слышно, какъ падаютъ мертвыми осенне листья.

— Вы... не серьезно говорите это, Мелкоѣдовъ.

Пристально смотрѣли глаза.

— Вамъ не отговорить меня, Марѣ. Я умру и вы — послѣдняя, кто слышить мой голосъ. Какъ хорошо умирать подлѣ васъ, Марѣ, тихая Марѣ! Не надо отговаривать меня, Марѣ.

— Я и не отговариваю васъ, Мелкоѣдовъ — это было бы такъ красиво... я никогда не забыла бы вамъ этого, никогда.

— Марѣ... вы плачете?!

— И не думаю.

— Вы уже не можете плакать, у васъ нѣтъ уже болѣе слезъ, тихая Марѣ!.. Дайте мнѣ скрыть лицо въ вашихъ дѣтскихъ худенькихъ колѣняхъ... Марѣ!

— Я вамъ уже разъ сказала, что они не худенькия. Это, наконецъ, некрасиво повторять сплетни...

— Дайте мнѣ спрятать...

— Да, хорошо — прячьте! Все равно знаю, что не застрѣлитесь. Я ужъ теперь никому не вѣрю.

— Я уже мертвый, Марѣ.

— Да, ладно... Слыхали.

— Какъ лепестки мертвыхъ хризантемъ, ваши слова, Марѣ. Какъ тихіе порывы теплого осенняго вѣтра — сладки и безплодны ваши мольбы... Вамъ не удержать меня, слабая Марѣ.

Громко вздохнула Марѣ.

— Я и не думаю удерживать васъ, Мелкоѣдовъ? Вѣдь это было бы такъ красиво! Неужели вы не понимаете?

— Что красиво, Марѣ?

— Да если-бы вы здѣсь, у меня, умерли. Какъ красива смерть, Мелкоѣдовъ. Когда осень плачетъ стылыми слезами и, дрожа, коченѣютъ вѣти. И вы — здѣсь, со мной...

— Ахъ! — все это только слова, слова.

— Я сдѣлаю это, Марѣ.

— Не сдѣлаете, Мелкоѣдовъ. Не вы первый... Всѣ, всѣ обѣщаютъ, всѣ говорятъ, что хорошо относятся, а на дѣлѣ...

— Что — на дѣлѣ?

— Почему вы подняли голову, Мелкоѣдовъ? Развѣ вамъ неудобно?

— Я спрашиваю: что на дѣлѣ?

— На дѣлѣ какъ разъ обратно... И почему? Почему? Смерть такъ красива... Ахъ, какъ она красива!

— Вотъ я, именно, и хочу... Приду домой...

— Ну, кто откладываетъ...

Безнадежно махнула рукой блѣдная Марѣ.

— Всѣ вы такъ, Мелкоѣдовъ. Приходилъ Балкинъ, Залѣсскій, Крысинъ... Приходилъ Федоровъ, Карповъ... Приходили, обѣщали и не умерли.

А чего спрашивается, не хватаетъ? — Осенъ, умираютъ цветы и я — маленькая Марѣ, такая тихая... такая...

— Такъ, я же и пришелъ, пришелъ, наконецъ!..

— Умрите, Мелкоѣдовъ!

Горячо схватила его руки Маръ. Вырвалъ отъ нея руки Мелкоѣдовъ.

— Да почему вы такъ настаиваете, Маръ?.. Въ концѣ концовъ это мое... мое частное дѣло... Хочу — умру, хочу...

— Не сердитесь...

— Не сержусь, но... странно это, простите. — Умрите, умрите... Умрите сами, разъ это такъ красиво.

Съ презрѣніемъ посмотрѣла на него Маръ.

— Такъ, значитъ, и не умрете?

— Да, умру, чортъ!.. Дайте хоть одѣться-то спокойно.

Ушелъ, не простишись, не бросивъ даже „прощай“ тихой маленькой Маръ.

* * *

— Дождь, — сказалъ на улицѣ Мелкоѣдовъ.

Стеръ упадшую на лицо каплю.

Съ тревогой схватился за щеку и провель рукой противъ шерсти. Было жестко... Отросло за день.

Скорбно улыбнулся.

— Умирать, такъ умирать красиво... Снова бриться. А денегъ не было.

Георгій Ландау.

ПО ПРИМѢРУ ГОЛОВЫ.

— Говорятъ, нашъ „пьяный“ бюджетъ съ будущаго года отрезвлять начнутъ.

— То-то, я думаю, этотъ бюджетъ съ похмелья трещать будетъ!..

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

A. Петербургъ.

Изаде. — Приводимъ остроту господина Изаде:

— Когда всякий человѣкъ можетъ быть сельскимъ хозяиномъ?

— Когда онъ семенитъ ногами.

Во-первыхъ — слово „сѣмя“ пишется черезъ ять; во-вторыхъ, если когда-нибудь вздумаете еще принести въ нашу ре-дакцію свои остроты, то не надо.

Семените мимо.

Песочная. — Дау. — Стихи не понравились.

B. Москва.

Раку. — Не подошло.

Петровка. — Д. Б. Ч. — Фраза, которая способна привести всѣхъ въ изумленіе:

„...А въ сосѣдней палатѣ содержались исключительно больные раками“.

И вѣрно. Одинъ больной боленъ ракомъ. Десять больныхъ — больны десяткомъ раковъ. Женщина болѣеть ракомъ.

Сообщаемъ автору рецептъ лечения отъ водянки головы: голова протыкается вилкой, вода выливается изъ головы въ под-ставленную чашку, а отверстіе потомъ затыкается пробкой. Заастетъ — и ничего не будетъ замѣтно.

V. Провинція.

Иркутскъ. — Шмелю. — Нажужжалъ Шмель такое:

— „Ахъ, я проглотила муху!

— Только, ради Бога, не дѣлай внутри изъ нея слона. А то разорвется“.

Хотя ваша рукопись и не содержала въ себѣ слона, тѣмъ не менѣе — разорвалась.

Нижнеднѣпровскъ. — Бородатому Амуру. — Пишетъ:

„Думаю, что напечатаете мой разсказъ „Какъ я женился“. Напечатаете? Чѣмъ чортъ не шутить!!.

На этотъ разъ чортъ сохранилъ серьезность.

Ave.

Café Empire

Садовая, 12, 2-й д. отъ Невск. пр. Тел. 650-34.

КОНЦЕРТЫ
Надежды Васильевны
ПЛЕВИЦКОЙ.

ВИЛЛА РОДЭ

Дирекція АДОЛЬФА РОДЭ
у СТРОГАНОВА МОСТА. Телеф. 77-34 и 136-60.

ЭЛЕГАНТНОЕ и РОСКОШНО ОБСТАВЛЕННОЕ КАФЭ.

Москва, 14-го Февраля.

ОЧЕРЕДНЫЕ КОНЦЕРТЫ ВЪ ПРОВИНЦІИ: ВАРШАВА, КІЕВЪ, ОДЕССА, ХАРЬКОВЪ. Съ Пасхи большое турнѣ ПО СИБІРИ.
За справками обращаться: Москва, Арбать, 44, кв. 78. Тел. 3-46-74.
Уполномоченный Н. В. Плевицкой В. Афанасьевъ.

ЕЖЕДНЕВНО
БЛЕСТЯЩІЙ ДИВЕРТИСЕМЕНТЬ
изъ знаменитыхъ Etoiles и аттракціоновъ.
ПОДРОБНОСТИ СМ. ВЪ АФИШАХЪ.

ПАЛАСЪ-ТЕАТРЪ

„ЖРИЦА ОГНЯ“.

В. П. ВАЛЕНТИНОВА, въ его-же постановкѣ.

Михайловская площадь, 13.

Тел. 85-99 64-76, 149-53.

Дирекція: И. Н. Мозговъ, В. А. Кошкинъ, В. Н. Пигалкинъ, М. С. Харитоновъ, Н. Н. Поликарповъ и Ко. Главн. режис. В. Ю. Вадимовъ. Режис. А. Н. Поповъ. Главн. кап. В. И. Шпачекъ.

Исполнять роли: „Жрицы огня“ — В. В. Кавецкая, „Париж. Анжели“ — В. М. Шувалова, „Гудки“ — Н. М. Антоновъ, „Юриста“ — М. Д. Ксендзовскій, „Раджи“ — И. И. Коржевскій, „Полисмэна“ — М. А. Ростовцевъ, „Принца“ — Я. И. Феона и др. Дирижируетъ — авторъ. Большой балетъ: танецъ „Байдарокъ“, „Священного огня“ и пр. Участв. въ опереттѣ болѣе 200 чел. Нач. въ 8½ ч. Променуары въ театрѣ по 1 р.

По оконч. оперет. въ конц. залѣ
КОНЦЕРТЪ-VARIÉ до Новая про-

4 ч. у. грамма!!!
Дебютъ знаменит. 4 Reinhard, англичанокъ Lieblen, The Hebbard, M-lles Appasъ, Марго, Маскотъ, Мелектъ, красавицы Морнакъ, Стеффи, ЗНАМЕН. 5 ЯНОНЦЕВЪ. М. А. Лидарской. Mlle и M-г ФОСКА и ВИЛЛИ исполн. знам. танецъ ТАНГО.

ЛИТЕЙНЫЙ ИНТИМНЫЙ ТЕАТРЪ

Литейный, 51. Тел. 112-76.

Подъ упр. Б. С. Неволина.

ПОЛНЫЕ 1) НОВАЯ ПЬЕСА СБОРЫ! АРК. АВЕРЧЕНКО „ОДЕССИТЫ“.

2) „ТРУДНЫЙ СЛУЧАЙ“ Аверченко. 3) „ТЕМНОЕ ПЯТНО“.

4) „МУЖЪ ДИПЛОМАТЪ“. 5) „СКРОМНАЯ ЖЕНЩИНА“.

6) „ИНТЕРМЕДІИ“.

Уч. г-жи: Мосолова, Антонова; г-г. Неволинъ, Самаринъ, Эльскій, Мировичъ и друг. Режиссеры: Б. Неволинъ. Баронъ Р. А. Унгернъ.

РУССКІЙ ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕАТРЪ

(БЫВШІЙ ПАНАЕВСКІЙ).
Дирекція К. Н. Незлобіна и А. К. Рейнеке.
Адмиралтейская наб. 4.
Телефонъ 19-58 Насса и 578-82 Администрація.

Ежедневно до 16 Февраля ВЕЧЕРОМЪ „Ревность“, драма въ 5 д. Арыбашева. Нач. въ 8½ час. веч. АНОНСЪ: УТРОМЪ по уменьшеннемъ цѣнамъ отъ 15 к. до 2 руб. Нач. ровно въ 1 часъ дня.

Въ пятницу, 14 Февраля „Огненное кольцо“. Новая пьеса въ 5 д. С. Полякова.

Въ субботу, 15 Февраля „Люлли-музыканты“, дѣтская пьеса, А. Чумаченко-Гальперинъ.

Въ воскресенье, 16 Февраля „Принцесса Турандотъ“. Китайская траги-комедія въ 5 дѣйств. К. Гоцци. Билеты продаются въ кассѣ театра съ 11 ч. у. до оконч. спектр. Администраторъ Л. Л. Людомировъ.

RESTAURANT FRANÇAIS

ALBERT

Nevsky 18, Pont de Police. Télérh. 12-35 et 185-61.

Déjeuners, dîners et soupers à prix-fixe et à la carte.

Cuisine fran aise et italienne.

Vins des premiers crûs et sp cialit  de vins italiens.

Pendant les dîners et les soupers musique „Trio Bisacchi“.

Гдѣ

бывають артисты и писатели?

„ВЪНА“

ул. Гоголя, 12. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.

Торг. до 3-хъ ч. ночи.

2-й годъ
изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

2-й годъ
изданія.

„Новый Сатириконъ“

Всѣ годовые подписчики получать:

52

НОМЕРА роскошно иллюстрированного журнала. Журналъ печатается на плотной глазированной бумагѣ въ 8—9 красокъ.

3. Всѣ годовые подписчики получать 3 бесплатныхъ преміи:

1 томъ „Путешествіе сатириконцевъ по Россіи“.

Большой томъ. Масса иллюстрацій и карикатуръ.

1 картина „Литературный чемпіонатъ“.

Большая многокрасочная картина-шаржъ, работы Р-Ми.

1 томъ „Календарь-Альманахъ“ на 1914 г.

При участіі лучшихъ русскихъ юмористовъ и художниковъ.

Зри нальво, другъ-читатель. Вотъ сидить годовой подписчикъ „Нового Сатирикона“ съ супругою и съ чадомъ, коимъ благословилъ его бракъ Господь Богъ. А въ рукахъ у него первая бесплатная премія къ „Нов. Сатирикону“—очаровательно-бездобный Календарь - Альманахъ. Видишь, какимъ тихимъ счастьемъ дышетъ отъ этой чудной семейной группы. А направо бродящій одинако, подобно носорогу, розничный покупатель „Н. Сатирикона“. Гляди, какъ онъ терзается завистью. Гляди, какъ онъ черенъ, худъ и блѣденъ. Вѣдь всякому человѣку хочется имѣть бесплатно

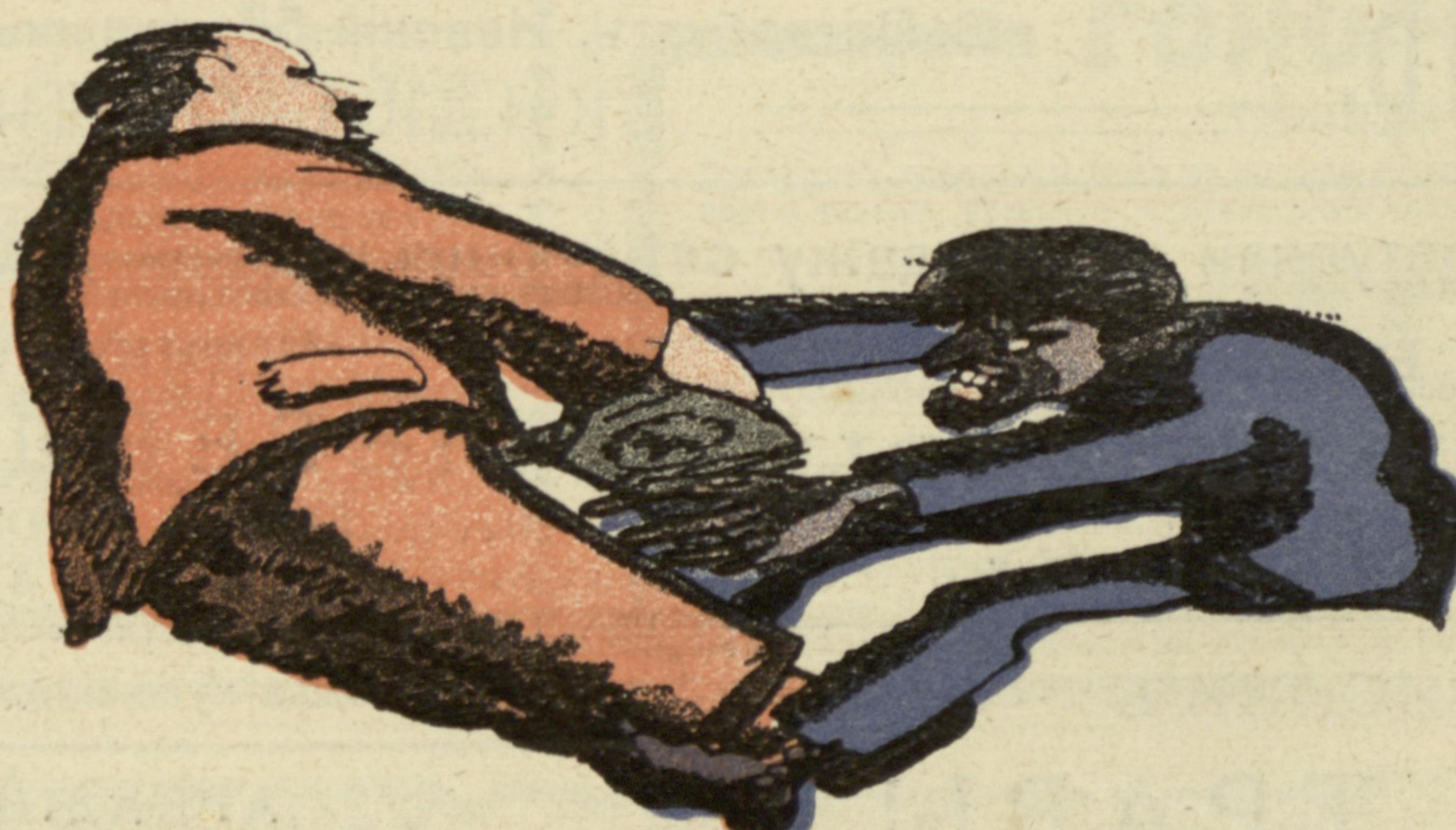
очаровательный Календарь-Альманахъ „Нового Сатирикона“, а развѣ розничный покупатель не человѣкъ? Человѣкъ, другъ-читатель, но только падшій.

Ежели ты нервенъ, другъ-читатель, отврати твои взоры отъ нижнягорисунка. На немъ розничный покупатель, озвѣрѣвъ отъ зависти и вожделѣнія, пытается отнять у годового подписчика безцѣнный Календарь-Альманахъ.

Дудки! не отниметъ! Развѣ можетъ кто побороть подписчика на „Новый Сатириконъ“, который въ годъ получаетъ за 6 руб. 50 коп. 52 порции силы и здоровья?

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. Съ пересылкой и доставкой 6 руб. 50 к., на полгода 3 руб. 25 коп., на 3 мѣс. 1 руб. 75 коп., на 1 мѣс. 60 коп.

Адресъ конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Невскій, 98. Телефонъ № 59-07.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Въ „Приазовск. Край“ какой-то К. Народинъ, обозрѣвая литературу за 1913 г. и подводя итоги — обругалъ всѣхъ и вся, кромѣ одного человѣка...

Онъ пишетъ:

„Щекотальщики утомленныхъ нервовъ становятся не нужны, ибо нервы окрыли. Нужна сатира. Замытно выдвигается сатирикъ — Демьянъ Бедный.“

Читатели! Кто изъ вѣа читалъ сатирика Демьяна Бѣдного?

Не самъ ли г. Народинъ пишетъ подъ этимъ звучнымъ псевдонимомъ?

Тогда его восхищеніе понятно.

* * *

А въ „Русскихъ Вѣдом.“ другой „критикъ“ съ фармацевтической кличкой Танинъ, обрушивается на современныхъ юмористовъ.

„Прѣемы творчества юмористовъ (говорить Танинъ) необыкновенно просты, они отчасти — въ непрестанномъ ограбленіи

старыхъ писателей, Чехова, Салтыкова, Диккенса, Твена и иныхъ, не столь крупныхъ.

Но самый распространенный прѣемъ заключается въ постиженіи секрета, что нѣть ничего смыслинъ чепухи“.

Постигнувъ этотъ секретъ, Танинъ и написалъ свою статью.

* * *

Юрій Бѣляевъ пишетъ въ „Вечернемъ Времени“ объ одномъ актерѣ:

„На немъ истинно-американские сапоги, какіе только носятъ лодзинскіе фабриканты.

Можно подумать, что лодзинскіе фабриканты, вообще одѣваются въ оригинальномъ стилѣ южно-американскихъ индѣйцевъ, сразу бросающемся въ глаза.

* * *

Нововременскаго Розанова попросили уйти изъ религиозно-философскаго общества.

Нововременскій А. Столыпинъ, такъ заступился за него:

Соглашаться съ Розановымъ нельзя, потому что въ вулканическомъ хаосѣ творимыхъ мыслей онъ постоянно себѣ противово-

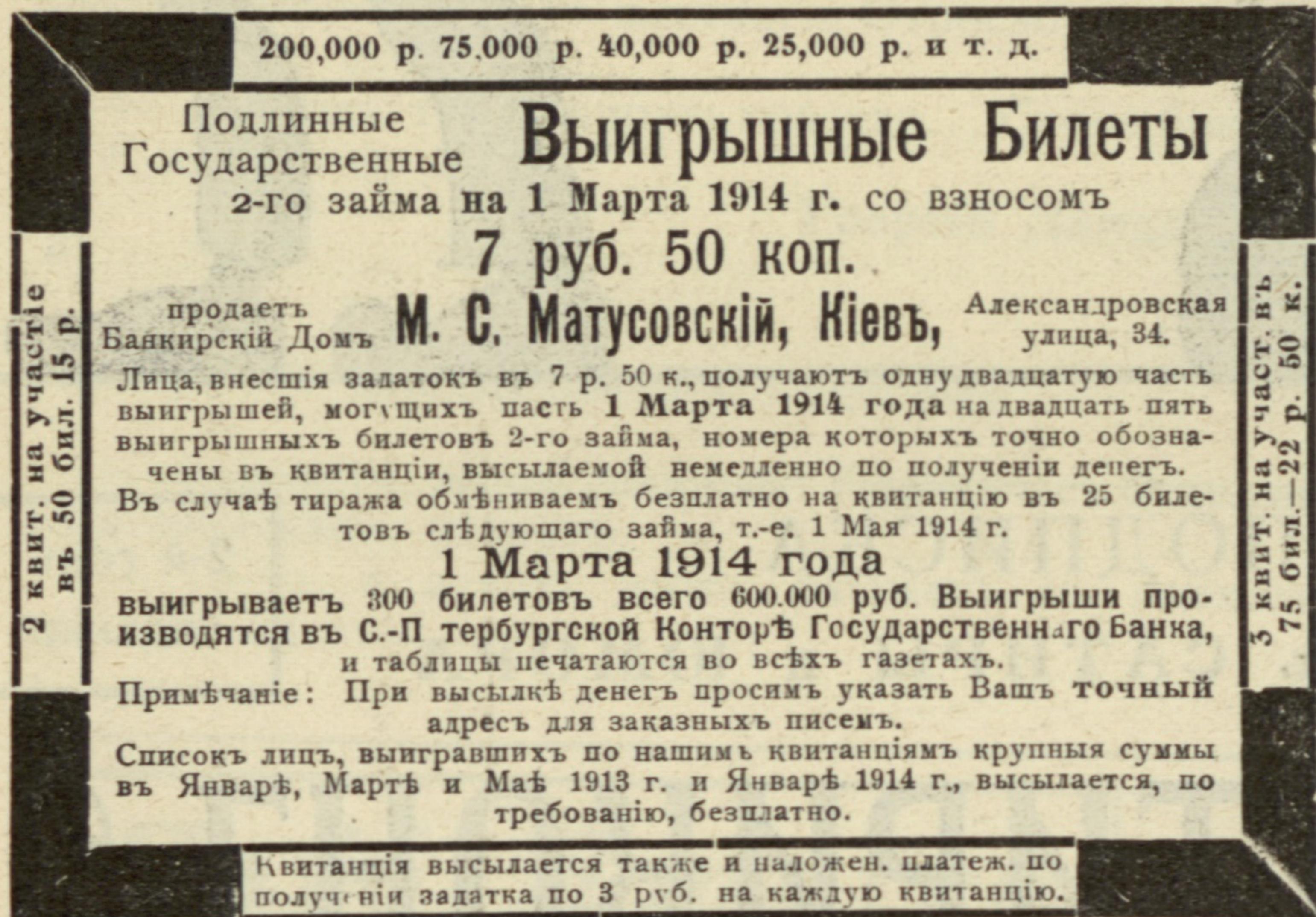

ФОТО графич. снимки съ натуры, только оригиналы, для мужчинъ-люителей очень интересны. Иллюстрированы. Прейскурантъ высыпалъ закрытъ по получении одной семикопеечной марки. Адресъ: Варшава 29, Твердая, 16 Б. Кацу.

— Вы знаете, Шустовская рябина великолѣпное средство противъ полноты. Съ тѣхъ поръ какъ я началъ ее пить и у меня перестало хватать на обѣдъ, я значительно убавился въ вѣсѣ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Нов. САТИРИКОНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., 98. Телефонъ № 59-07.

Выписзывающіе со склада издательства — за пересылку не платятъ.

Суммы до 10 рублей можно высылать марками, почтовыми и гербовыми.

Гг. книгопродавцы благоволять обращаться съ заказами въ складъ изданій

С.-Петербургъ, Невскій 55, книжный складъ „Земля“.

СКИДКА ОБЫЧНАЯ.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія изданія „НОВАГО САТИРИКОНА“:

ВЛАДИМИРЪ ВОИНОВЪ.

СОЛНЕЧНЫЕ РАЗСКАЗЫ.

Обложка художника Рев-Ми. Цѣна 1 р. 25 к.

ФОМА ОПИСКИНЪ.

СОРНЫЯ ТРАВЫ.

Большой томъ въ трехъ частяхъ, съ портретомъ автора и предисловиемъ, любезно написаннымъ Аркадіемъ Аверченко.

Цѣна книги въ обложкѣ работы Рев-Ми — 1 р. 25 к.

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

Театральная библиотека. 3 тома. Въ изящн. обложк. худ. ЧЕХОНИНА. Цѣна каждого тома 2 р.

ДМИТРІЙ ЦЕНЗОРЪ.

„ЛЕГЕНДА БУДНЕЙ“.

ЛИРИКА. Издание Аркадія Аверченко.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Часть I. О любви и печали. Часть II. Легенда Будней. Часть III. Раздумье.

Обложка художника Чехонина. Цѣна 1 р. 25 к.

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

РАЗСКАЗЫ. 12 ВЫПУСКОВЪ.

(Всѣ выпуски — изданіе 3-е—5-е). Цѣна каждого выпуска 10 к.

А. МЮРЖЕ.

„БОГЕМА“.

РОСКОШНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНІЕ.

Обложка работы художницы Миссъ. Цѣна 1 р. 25 к.

речитъ, потому что въ разныхъ периодахъ жизни онъ самъ про-
клинаетъ и опровергаетъ собственную работу другихъ периодовъ;
возмущаться или восторгаться имъ было бы тоже неправильно,
какъ было бы неправильно возмущаться кривизною позвоночника
горбатаго.

Одинъ адвокатъ такъ-же защищалъ своего подзащитнаго:
— Правда, господа, онъ укралъ, но развѣ можно обвинить
его? Взгляните только на это идиотски-бесмысленное выра-
женіе его лица, на этотъ тупой взглядъ форменного кретина —
что съ него взять?

— Охъ, — можетъ сказать Розановъ Столыпину. — Ты, бра-
тей, ужъ лучше не защищай меня. Я самъ какъ-нибудь...

* * *

Дьявольская расторопность. Приводимъ объявление изъ газеты „Ревельскія Извѣстія“:

Благодарность получаю я ежедневно отъ домовладельцевъ которые черезъ мое бесплатное посредничество получаютъ жильцовъ по своему желанию. Тамъ же можно получить дешево березовыя и еловыя дрова. Ягуртъ является самымъ лучшимъ сред-

ствомъ противъ хронич. запоровъ, а также выздоравливающихъ. Бюро хозяекъ Финкнейнеръ. Могутъ получить также хорошія мыльца русскія девушки, гов. по русски. Имеется запасъ кислой капусты.

Такъ, вѣроятно, когда-то начинали и московскіе Мюръ и Мерилизъ.

* * *

Въ „Синемъ Журналѣ“, редактируемъ опытнымъ литераторомъ г. Корнфельдомъ, находимъ такую фразу (рассказъ о какомъ-то разбойнику):

Онъ двинулъ мечомъ первого солдата (незащищенного, разумѣется, кольчугой) и отрубилъ ему, наискось, отъ плеча къ бедру верхнюю часть организма (?!).

Не была ли продѣлана та же мучительная операция съ „верхнею частью организма“ редакторомъ „Синаго Журнала“.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель Т-во Н. Сатириконъ.

Лучшіе профессора Европы съ блестящимъ успѣхомъ прописываютъ больнымъ, страдающимъ **ПОЛОВОЙ НЕВРАСТЕНИЕЙ (БЕЗСИЛИЕМЪ)** известный французскій препаратъ **СТИМУЛОЛЬ** д-ра ГЛЭЗА

такъ какъ это единственное и исключительное средство, быстро восстанавливающее половую энергию и укрепляющее всю нервную систему.

Дѣйствіе Стимулола тщательно проверено въ лучшихъ Европейскихъ санаторіяхъ и вызвало восторженные отзывы медицинскихъ авторитетовъ.

Важное предупрежденіе: имѣются въ продажѣ негодныя поддѣлки. Требуйте поэтому во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ настоящій Парижскій Стимулолъ д-ра Глэзы въ аллюминіевой упаковкѣ съ таможенной пломбой. Всѣ опыты и наблюденія, произведенныя надъ этимъ препаратомъ, и лучшіе отдыши врачи относятся только къ настоящему Стимулолу д-ра Глэзы.

Главное представительство для Россіи:
Институтъ д-ра Кальвз, Москва, Срѣтенка, 4, отд. 81/62

СТИМУЛОЛЬ Д-РА ГЛЭЗА

„Искусство хорошо спать“

сохраняетъ жизнь человѣка.

Выпущеная въ свѣтъ книга подъ названіемъ „Искусство хорошо спать“, составленная извѣстн. проф., какъ-то: Гоммондъ, Бушо и доктор. Штаркъ, К. Вернеръ, Манасеинъ и др., въ ясной формѣ излагаетъ сущность и значеніе сна въ жизни человѣка и учитъ, какъ надо спать здоровымъ, укрепляющимъ спокойнымъ сномъ безъ мучительныхъ кошмаровъ и тяжелыхъ сновидѣній.

Желая сдѣлать книгу общедоступной, издательство рѣшило уменьшить цѣну съ 3-хъ р. до 2-хъ р.

Просимъ выслать задатокъ.

ЕДИЧСТВЕННАЯ ПРОДАЖА: С.-Петербургъ, Коломенская 13, кв. 7. Шульзингеръ.

ЧИТАЙТЕ ежедневную вечернюю

общественно-политическую, биржевую, финансово-экономическую газету „БИРЖЕВОЙ ДЕНЬ“. Цѣна 2 коп.

ГОНОРРЕЯ

(ТРИППЕРЪ).

Гоноррею, перелой и бѣли въ острой и хронической формѣ быстро вылечиваетъ соверш. безвредн. и клинически испыт. средство (для внутр. употребл.).

„ТІЭЛЕРИНЪ“

ДОКТОРА МЕД. ЖЕНЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ГОРОХОВСКОЙ.

РЕКОМЕНДУЕТСЯ ВРАЧАМИ-СПЕЦИАЛИСТАМИ.

Цѣна ординарн. флакона (на 10 дней) 1 р. 75 к.; двойн. 3 р. безъ пересылки.

Подробное наставление при флаконѣ. Высыпается налож. платежомъ.

ВЪ СЛУЧАѢ НЕИЗЛѢЧЕНИЯ — ВОЗВРАЩАЮ ДЕНЬГИ ОБРАТНО.

Адр.: д-ру Э. М. Городовской, Москва, Срѣтенка, Даевъ пер., д. 1/28, кв. 3.

Отд. 62. Отпускъ лѣкарствъ отъ 9 ч. у. до 7 ч. в. Личн. приемъ отъ 4 до 7 ч. в.

При перемѣнѣ адреса
гг. подписчиковъ про-
сять присыпать 25 коп.
марками.

ЖЕНСКОЙ ГИГІЕНИ

и ПРЕДОХР. ОТЪ
ЗАРАЖЕНИЯ

Съ пом. аппар. РЕФЛЮКСЪ спринцеваніе можно производить лежа, не прибѣгая ни къ какимъ сложн. и вредн. манипуляціямъ. ТРЕБУЙТЕ во всѣхъ аптек. и аптек. магазин. только аппаратъ РЕФЛЮКСЪ, ибо онъ удобенъ, гигиенич. и ГАРАНТИРУЕТЬ УСПѢХЪ. Обращ. вним. на изображеніе рисунокъ. Цѣна аппар. 4-хъ унц. воронк. ст. упак. и перес. въ Европ. Россія — 4 р. 20 к. Зап. Сиб. — 4 р. 40 к., Вост. Сиб. — 4 р. 60 к.; съ ГУТАПЕРЧ. воронкой на 1 р. 25 к. дороже. Высып. налож. платеж. Наставл. и необх. СОСТАВ. ПРОФИЛАКТ. СРЕДСТВ. прилаг. БЕЗПЛАТНО при кажд. аппар. Подр. свѣдѣнія съ отзыв. врачей, печати и благод. писемъ высып. по первому требов. Адр. ГЛ. ПРЕДСТ. РЕФЛЮКСЪ, СПБ., СТРЕМЯННАЯ, 6, отд. 60. Прив. и марка заявл. въ М. Т. и Пр.

МАСЛЕНИЧНОЕ ВЕСЕЛЬЕ.

Рис. А. Радакова.

Французъ радостно, среди всеобщаго веселья, смѣха и крика, среди вихря женскихъ юбокъ, подъ дождемъ конфетти и лентъ серпантина, выпиваетъ бочку легкаго винограднаго вина, запѣвая каждый глотокъ шансонеткой...

Но вотъ карнавалъ кончился, начинается посты, и —

... Французъ перевертываетъ кверху дномъ пустую бочку — и произноситъ рѣчь о налогахъ, о бездѣятельности правительства, объ эксплуатации рабочихъ и каждую свою фразу запѣваетъ словами „Марсельезы“.

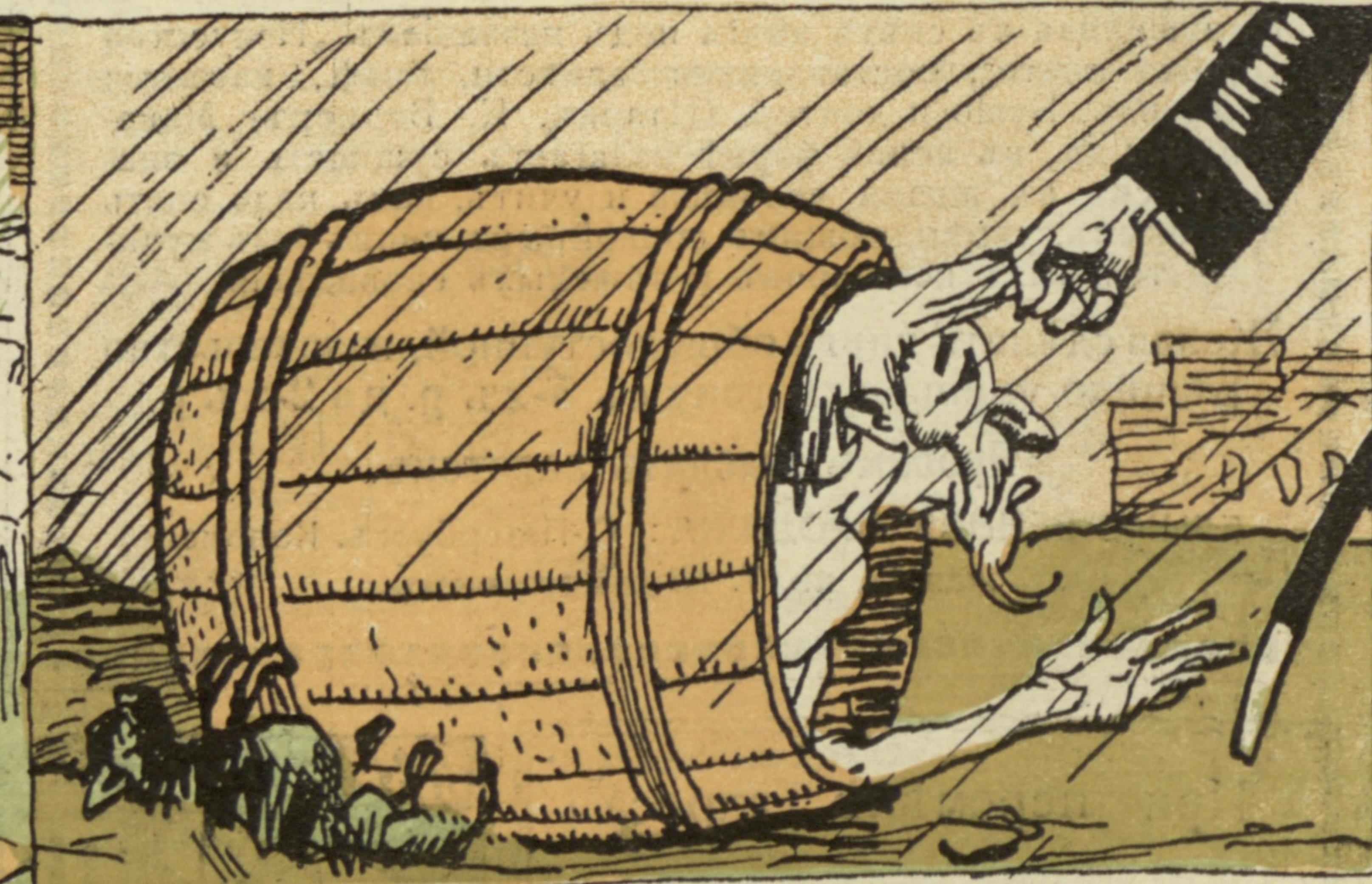
Нѣмецъ методично, не спѣша, выпиваетъ кружку за кружкой пива. За здоровье кайзера, за здоровье арміи, за папу, за маму. Начинаетъ пѣньемъ патристического гимна и кончаетъ сентиментальной пѣсенкой о бѣлокурой Лизхенъ, несущей своему возлюбленному пару сосисокъ и вязанный колпакъ. Но вотъ масленица кончилась, начинается посты и —

... Отъездѣвшій нѣмецъ выдумываетъ патентованное средство отъ головной боли и отъ „кацен-ямера“. Онъ долго возится надъ этимъ, изобрѣтаетъ по всѣмъ правиламъ науки, пробуетъ на себѣ и потомъ разсыпаетъ его по всему свѣту, прославляя этимъ свой „Фатерляндъ“ и зарабатывая на этомъ хорошия деньги.

Русскій пьеть, долго пьеть, много пьеть. Смотрѣть на небо, смотрѣть на землю... и пьеть. Смотрѣть на проходящаго окодочнаго, смотрѣть на людей и пьеть, долго мрачно, жестоко. Бѣть себя въ грудь и пьеть, проклинаетъ и пьеть, смѣется и пьеть! Потомъ, когда кончилась масленица и начинается великий посты —

... Онъ залѣзаетъ въ пустую бочку и говоритъ: — Я не зналъ, зачѣмъ я пиль, зачѣмъ прошелъ этотъ путь блуда, теперь я знаю. Блудъ, пьянство и развратный образъ жизни превратили меня теперь въ Діогена! — Онъ дрожитъ отъ холода и философствуетъ, голодааетъ и философствуетъ, а если кто-нибудь, власть имущій, дернетъ его за волосы, онъ скажетъ: — не противлюсь злу! Тяжко намъ смотрѣть на это!